

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ КАЗАХСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

А. Ж. Бахралинова

SPATIAL PARAMETRIZATION OF THE KAZAKH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

A. Zh. Bahralinova

В данной статье рассматривается многослойная структура пространственной картины мира, отраженной в казахском языке. Казахская языковая картина мира представляет пространство как бесконечную горизонтальную плоскость, условно обозначаемую как «степь».

This article examines the layered structure of the spatial picture of the world, reflected in the Kazakh language. The Kazakh language picture of the world represents the space as an infinite horizontal plane, conventionally denoted as «steppe».

Ключевые слова: концепт, пространственная картина мира, национальный менталитет, пространственная модель.

Keywords: concept, spatial picture of the world, national mentality, spatial model.

Пространство является одной из основных категорий бытия, формой существования материи, отражающей протяженность и расположение предметов в мировом континууме и их положение относительно друг друга. Пространство является формой координации сосуществующих объектов и состояний материи, по которой все объекты расположены вне чего-то, рядом, сбоку, внизу, внутри, сзади и т. д. и находятся на определенном расстоянии друг от друга. Порядок сосуществования этих объектов и разновидности их локализации образуют структуру пространства.

«Каждой эпохе, каждой цивилизации соответствует своя география, свои взгляды на пространство и свое представление о нем» [9, с. 34]. К числу первых ипостасей пространства, осознанных человеком, относится географическое пространство, позволяющее узнать и осмыслить среду своего обитания, сориентироваться в нем, изучить его и измерить для своих практических целей. В зависимости от образа жизни (оседлого или кочевого) у каждого народа формировались знания о территории обитания: если для оседлых народов среда обитания сводилась к сравнительно небольшому участку земли, где находились жилища, поселения, поля и угодья людей, то для кочевника пространство было бесконечно.

Стоит отметить, что занимаемое пространство, территория, на которой исторически обосновался тот или иной этнос, в большой мере определяет и особенности его мировосприятия и национального характера. Следовательно, познание и обживание пространства каждым отдельным народом носит национально-специфический характер.

К числу наиболее фундаментальных областей в познании мира относится «категоризация пространства» [7, с. 85], в постижении которого наиболее эффективным способом является концепт, позволяющий учитывать все существующие контексты изучения данного феномена. При этом концепт выполняет определенные функции, необходимые для понимания современной культуры, одной из которых является функция эквивокации. Ее суть заключается в том, что в основе отношения вещи и имени лежит фундаментальный принцип двусмысленности мира, т. е. мира,

в котором нет места однозначности, категоричности и ограниченности, все сопрягается на правах взаимодополнительности. Как отмечал французский философ Ж. Делез, «все ценное в мире открыто в пространстве разума для двойного прочтения» [3, с. 35].

Исследователи считают, что «концепт – это некое чистое событие, некая этось, некая целостность как неразделимость конечного числа разнородных составляющих, пробегаемых некоторой точкой в состоянии абсолютного парения с бесконечной скоростью. Он реален без актуальности, идеален без абстрактности, он автореферентен и недискурсивен, абсолютен как целое, но относителен в своей фрагментарности, он самоподобен аналогично структурам фрактальной геометрии и содержит составляющие, которые также могут быть взяты в качестве концептов, поэтому он бесконечно вариативен» [2, с. 89].

Вариативность заключается в том, что именно в языке запечатлевается, хранится и передается опыт народа, его мировидение и мироощущение, а язык при этом является универсальной формой первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, поэтому концепт представляет собой основную ячейку культуры в ментальном мире человека. В концептах отражено то, каким образом общество освоило окружающую действительность, какое наполнение внесло в лексическую единицу в соответствии с культурой определенного национально-культурного сообщества.

«Пространственная картина мира многослойна: она включает в себя и мифологический универсум, и научное моделирование, и бытовую «здравый смысл». При этом у обычного человека эти (и ряд других) пласты образуют гетерогенную смесь, которая функционирует как нечто единое... На этот субстрат накладываются образы, создаваемые искусством или более углубленными научными представлениями, а также перекодировкой пространственных образов на язык других моделей. В результате создается сложный, находящийся в постоянном движении семиотический механизм» [8, с. 450].

По словам Е. С. Кубряковой, «современный человек не может отвлечься ни от чувственных элементов

его восприятия, но – одновременно – и от геометрической концептуализации пространства» [7, с. 87].

Вербальное описание пространства, по мнению И. М. Кобозевой, воплощает стандартно-бытовое понимание пространства, которое отличается от научного, от мифопоэтического, хотя имеет с ними ряд общих черт. Общим для всех концепций пространства является его неразрывная связь с вещами, т. е. материальными объектами. Обыденное описание, будь то ландшафт или интерьер, представляет собой перечисление размещающихся в нём «вещей» с указанием ориентации одной вещи относительно другой. Из этого следует, что обыденное пространство есть объектно-заполненное пространство. Отличие структуры обыденного пространства, создаваемой «населяющими» его объектами, заключается в отсутствии того глубокого мировоззренческого смысла, который характеризует структуру мифопоэтического пространства. Чертой, сближающей обыденное понимание пространства с мифопоэтическим, является его дискретность, составность, членимость на отдельные фрагменты, соотносимые с организующими его объектами [5, с. 53].

Мифопоэтическое пространство характеризуется одухотворенностью и качественным богатством, чем отличается от бесконечного, доступного лишь измерениям геометрического пространства или реального, совпадающего с физической средой пространства естествоиспытателя. Пространство отрывается от познающего его субъекта, и установка делается на его покорение и технизацию вместо сотрудничества, «вслушивания» в пространство, его обживания и одухотворения, как это делалось архаичным человеком.

По мнению исследователей, пространству присущи следующие свойства:

- 1) неотделимость от времени,
- 2) заполненность пространства вещами,
- 3) отделенность пространства от того, что им не является, возникновение его через отделение от чего-то, выделение его из Хаоса,
- 4) открытость, широта и развертывание пространства вовне по отношению к некоему центру или безотносительно к этому центру,
- 5) организованность пространства изнутри, его расчлененность, составность [11, с. 346].

Немаловажным фактом по отношению к пространству являются психологические типы:

– первый характеризуется равнодушием, безразличностью к пространству, незаинтересованностью в нём (в этом случае смысл пространства практически не выходит за рамки фоновой функции);

– второй связан с особым интересом к пространству, со способностью понимать его смыслы («прислушиваться» к пространству) или вживлять их в него [7, с. 84].

Таким образом, концепт «пространство» характеризуется неоднородностью в языковой картине мира, его наполнение всегда национально обусловлено. В нём выделяются компоненты «свои» и «чужие», «ближние» и «дальние», «известные» и «неизвестные», «освоенные» и «неосвоенные», «доступные» и «недоступные», «разрешённые» и «запрещённые», «важные» и «безразличные» [5, с. 48].

Каждой национальной картине мира свойствен свой набор концептов, определяющих пространственные понятия, которые точно отражают мировосприятие и миропонимание определенного этноса. Постигание пространства у казахов как кочевого народа идет через освоение «своего» места, где он обитает, живет. По мере освоения «своего» возникает необходимость в познании другого пространства, неизведанного для определенного этноса, «чужого». Каждой национальной картине мира свойствен свой набор концептов, определяющих пространственные понятия, наиболее точно отражающих мировосприятие и миропонимание определенного этноса. Восприятие пространства напрямую зависит от национальных культур.

Традиционная культура казахов содержит пространственные представления, которые обусловлены кочевым образом жизни, отражающие специфику структурирования бескрайних степных просторов – реально существующего «пустого» пространства. Эти представления формируют приемы структурирования природного ландшафта и являются одной из основ традиционной казахской культуры.

Ведущим пространственным образом в традиционной казахской культуре является бесконечная горизонтальная плоскость, условно обозначаемая как «степь». Она представляет собой отражение бесконечно тянущихся степных просторов Евразии. Для кочевого казаха пространство – это все, что находится под небом, оно безгранично, широко, раздольно, т. е. пространство – это окружающий мир: *шөл* (пустыня), *алқап* (долина), *шөл дала, дала, шөлейт* (полупустыня), *аланқай* (полянка), *шабындық* [1, с. 115].

В казахской языковой картине мира пространство полностью сливается с природой. По мере освоения окружающего мира пространство расширяется. Однако истоки восприятия пространства уходят корнями в то время, когда кочевник и природа составляли одно целое. Семантика концепта «пространство» имеет важное значение при формировании национальной картины мира, фундаментом которой является пространственная модель универсума. Она воплощена в мифах, отражена в религиозных представлениях, воспроизводится в культурных обычаях и обрядах, закреплена в языке.

Немаловажным в освоении концепта «пространство» будет являться исследование реакции этнических групп на «вторжение в пространство». Вторжение в пространство будет наиболее эффективным фактором характеристики коммуникативных, поведенческих стилей группы, их менталитета. Проникновение «иного» в пространство, несомненно, повлечет за собой ряд действий в определенной среде. Например, «киной» в казахской степи – гость, следовательно, и отношение к нему особое. На бескрайних просторах с тяжелыми переходами путешественнику, да и просто путнику, было трудно выжить, если он не мог остановиться у кого-нибудь на ночлег. Гостю предоставляется почетное место *төр*, самая лучшая еда, ночлег. Гость одаривается подарками. Казах всегда находится в ожидании гостя (*қазақ қонақсыз отыра алмайды*). В традиции гостеприимства обряд испол-

нения гостем песни хозяину, дому в знак уважения и благодарности (*қонақ кәде*) [12, с. 64].

Базовая умозрительная пространственная модель представляет собой образ горизонтальной плоскости, что является набором гигантских невидимых концентрических сфер с горизонтальным кругом. Так, в исследованиях Э. Шакиновой, степь представлялась её обитателям как круг, охватывающий степь как целое, как реально существующий мир с человеком в центре. Восприятие мира как гигантского круга лежит в основе эпических представлений кочевников: «Где круг кончался земной, Где в небо путь уходил...» / «Шла пустыня за кругом круг» [12, с. 83].

Исследователь А. Кодар фиксирует образ степи как гигантский восьмиугольник, соотносимый с образом круга, в который такой восьмиугольник может вписываться. Он отмечает, что у казахских сказителей – жырау – часто встречается выражение *сегизкиыр шартан – восьмиугольное пространство*. А. Кодар предлагает рассматривать этот образ как аналог индуистско-буддийской мандалы не только ориентированной на четыре стороны света, но и отображающей четыре времени года. В отличие от горизонтальной четырехугольной модели мира, встречающейся в орхонских надписях VIII в., данная модель дополнена еще четырьмя углами, символизирующими смену временных циклов. Так, обиженный на своего правителя поэт Шалкииз (XV – XVI вв.) пишет: «Если ты равняешь меня с недостойными / Навьючу пожитки на верблюда, / И пока мы оба здоровы / Попытаю счастья / В восьмиугольном пространстве» [6, с. 60 – 61].

Следующим образом степи является гигантская сфера. Ж.К. Каракузова и М. Ш. Хасанов отмечают, что казах-кочевник воспринимал степь как гигантскую невидимую сферу с представляемым гигантским кругом плоскости степи, который «очерчивается» календарным циклом скотовода. Так, они пишут: «В степи была очевидной природа Божества, имеющего окружность везде, и беспредельность пространства становилась качеством этого божества. Вся земля была для кочевника вращающимся шаром, потому что он кочевал по кругу в семьсот километров от джайляу (летовки) к куздеу (осенней точке откочевки), от куздеу к кыстау (зимнему месту жилья), от кыстау к коктеу (весеннему) и от коктеу снова к джайляу. То есть земная поверхность виделась ее обитателям как Великое Колесо» [4, с. 96].

Степь казахов имела свою центральную точку там, где стояла юрта или аул, но постоянные перекочевки передвигали её в пространстве. Круг Земли Вселенной имел свою центральную точку везде, то есть в каждой точке степи. И в то же время, кружась возле точки круга в семьсот километров, кочевник был далек от неё при каждой перекочевке. Центр как неподвижная и в то же время сменяющаяся в пространстве точка был понятен казахам [12, с. 91]. Сама сфера считалась эмблемой вечности и беспредельности. Кочевники понимали смысл этого явления, потому что могли видеть сферу из её центра – пространство, подобное сфере, радиусами расходилось от кочевника в разные стороны, открывая беспредельные

горизонты вокруг, но и возвращаясь к нему как к центру вращения.

Из этого следует, что константами традиционных пространственных представлений являются: степь как гигантский круг, восьмиугольник, невидимая сфера; тенденции к расширению освоенного пространства; перетекание и «захват» пространства при освоении природного ландшафта; стремление к пространственным перемещениям; восприятие пространственных границ как проницаемых и условных. Очевидно, что мифологема, лежащая в основе концепта «степь» в казахской языковой картине мира, базируется на основе мифологического мировоззрения кочевников, устного народного творчества, разговорной речи и представлений исламского начала и индивидуально-художественного восприятия отдельных авторов.

Таким образом, базовая пространственная модель, присутствующая в традиционной казахской культуре, сочетает в себе качества слойной и ризомической моделей.

Как отмечает А. Б. Наурызбаева, пространственная модель, характерная для традиционной казахской языковой картины мира, представляет трехслойное членение по вертикали, где пространство степи занимает промежуточный второй слой. В этой модели актуализируются горизонтальная и вертикальная составляющие. Горизонтальная составляющая характеризуется основным типом ландшафта, тогда как вертикальная в мифопоэтическом контексте означает параллельное существование верхнего и нижнего миров [10, с. 76].

Ведущей характеристикой такой модели является проницаемость границ всех трех миров, обозначаемая как медиальность. В широком смысле понятие медиальности характеризует в целом и специфику казахской культуры, которая, хотя и латентно, устойчива в своей вертикальной осевой парадигме, но динамична и открыта в горизонтальном пространственно-временном восприятии мира.

Пространственные представления казахского народа рождены традиционным образом жизни и мифопоэтической картиной мира, которые нашли отражение в их мировоззрении, топонимике физического пространства и способах ориентации в нём, в организации виртуального и музыкального пространства.

Концептуальное оформление пространства в языке очень важно для любой лингвокультуры, которая стремится выделить наиболее значимые культурные семы, охарактеризовать культурное пространство народа через описание ключевых культурных концептов. В казахском языке понятийные категории пространства реализуются в виде концептов, образов:

– безграничность пространства, его удаленность от человека, например: *қол созым жерде* (на уровне протянутой руки), *таяқ тастам жерде* (на уровне брошенной палки), *бір қадам* (в один шаг), *иек астында* (под подбородком), *қарға аттам жер* (в шаге вороны);

– неопределенность по отношению к пространственному расположению или местонахождению, например: *адам аяғы баспаган жер* (нога человека не ступала), *жердің түбі* (край земли), *ит арқасы*

қиянда (где собак запрягают), *алты қабат аспанның ар жағы* (за шестью слоями неба).

Для воплощения концепта «пространство» в казахском языке характерно употребление образных выражений неопределенной пространственности по отношению к неточной дальности или неточной близости, например: *көз көрмес, құлақ естімес жер* (глаза, не видевшие, уши, не слышавшие земли), *ит өлген жер* (там, где собаки мрут).

Итак, символика культурных образов, особая этническая картина мира (картина мира кочевника) со-

храняются, несмотря на условия современности, на глобализационные процессы, которые затрагивают все стороны жизни человека.

Важными свойствами концепта «пространство» являются неотделимость от времени, заполненность пространства вещами, отделенность пространства от того, что им не является, открытость, широта и развертывание пространства вовне по отношению к некоему центру, организованность пространства изнутри, его расчлененность и составность.

Литература

1. Бектурова, Ж. Б. Функционально-семантическое поле «пространство» в русском и казахском языках / Ж. Б. Бектурова // Лингвокультурологическое сопоставление: межвузовский сборник научных статей. – Алматы: АГУ им. Абая, 1999.
2. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. – М., 2004. – 142 с.
3. Делез, Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму; пер. с франц. Ж. Делез. – М.: ПЕР СЭ, 2001.
4. Каракузова, Ж. К. Космос казахской культуры / Ж. К. Каракузова, М. Ш. Хасанов // Евразия. – 2001. – № 2.
5. Кобозева, И. М. Грамматика описания пространства / И. М. Кобозева // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000.
6. Кодар, А. Мироззрение кочевников в свете Степного Знания / А. Кодар // Культурные контексты Казахстана: история и современность; сост. А. Кодар, З. Кодар. – Алматы: Ниса, 1998.
7. Кубрякова, Е. С. О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 1997.
8. Лотман, Ю. М. Заметки о художественном пространстве. Путешествие Улисса в «Божественной комедии» Данте / Ю. М. Лотман // Избранные статьи: в 2 т. – Таллин: Александра, 1992.
9. Моро-Дефарж, Ф. Введение в геополитику / Ф. Моро-Дефарж. – М.: Конкорд, 1996.
10. Наурзбаева, А. Б. Возвращение к мифу о вечном возвращении – опыт культурологической редукции историзма / А. Б. Наурзбаева. – Алматы, 2005.
11. Топоров, В. Н. Пространство / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. – Т. 1. – М., 1992.
12. Шакенова, Э. Художественное освоение мира / Э. Шакенова // Кочевники. Эстетика. – Алматы, 1991.

Информация об авторе:

Бахралинова Асель Жаксылыковна – старший преподаватель кафедры «Дошкольное и начальное образование» Павлодарского государственного педагогического института, 8(7182)619757, 87013271319@mail.ru.

Asel Zh. Bahralinova – Senior Lecturer at the Department of Pre-school and Primary Education, Pavlodar State Pedagogical Institute.